

Б.Г. Бобылев
Орловский государственный университет
им. И. С. Тургенева

РЕЛИГИОЗНЫЕ АЛЛЮЗИИ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.М. ГОРЬКОГО

А.М. Горький является одним из творцов «религии человека» (Бобылев 2016: 42-45), у истоков которой стоят идеи, высказанные в философских трактатах Л. Фейербаха и Ф. Ницше, а также в некоторых произведениях Ф.М. Достоевского. Отличительной особенностью горьковского контекста является активное использование священных символов, насыщенность повествования религиозными аллюзиями, которые подвергаются «переакцентуации» (М.М. Бахтин), приобретая новую функциональную значимость, становясь средствами выражения «образа автора» (Виноградов 1971: 151-152).

Рассмотрим некоторые примеры из текстов поздних творений писателя: повести «Детство», очерка «В.И. Ленин», романа «Клим Самгин». При этом мы будем опираться на таксономию профессора В.И. Москвина, который разделяет аллюзии на два вида: эпитроп¹ и текстовую аллюзию².

Большинство религиозных аллюзий в повести «Детство» относится к «эпитропам», восприятие которых подразумевает, что читатель «с пеленок» знает церковь и православное богослужение. Так, описывая пожар в повести «Детство», Горький прибегает к характерной церковной аллюзии: *«огонь всё разрастался; мастерская, изукрашенная им, становилась похожа на иконостас в церкви и непобедимо выманивала ближе к себе»*.

На первый взгляд, сравнение горящей мастерской с иконостасом в «Детстве», кажется неожиданным. Однако за этой образной параллелью сто-

---

¹ Эпитроп (греч. *πυροπί* 'поворот к чему-л.', перен. 'намек' < *πυρέφω* 'поворачивать', перен. 'склонять, побуждать') состоит в указании таких фактов и деталей, которые склоняют адресата к определенному выводу относительно характеризваемого предмета, лица или события (Москвин 2011: 109).

² Понятие аллюзии широко используется в современной филологии в качестве инструментария анализа художественного текста, однако употребление данного термина не всегда отличается определенностью и строгостью. В этой связи представляются весьма обоснованными те акценты, которые расставляет В.И. Москвин, относя к фигурам интертекста только текстовые аллюзии. (Москвин 2014: 40).